

Дмитрий Лихачев:

«Вспоминается пушкинский альбом»

Крым. Коктебель. Волошин

Санкт-Петербург. Июнь 1994 года.

До Крыма далеко: разъединяет расстояние в две тысячи километров. Но ощущение, что ты приехал в родной город, не покидает. Оттого, наверное, что он — морской, а может, потому, что, как и Крым, мною любим.

Сегодня, в летнюю петербургскую ночь, буду гулять по городу — пройду по Невскому, Фонтанке, к Исаакию, встречу разведение мостов. Правда, их могут и не развести — бывшая традиция теперь тоже зависит от финансирования.

Но это будет ночью. А сейчас я иду в Институт русской литературы — Пушкинский Дом — на встречу с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Это моя первая встреча с человеком, чье имя для меня (и, думаю, для многих) является олицетворением русской интеллигенции. Немного волнуясь. Но встречают меня гостеприимно — сначала референт Ирина Анатольевна Любакова, а затем и сам Дмитрий Сергеевич. Робость уходит, и я рассказываю о планах выпустить крымский историко-краеведческий альманах, знакомлю с выпусками газеты «Феодосийский альбом» — предтечей будущего издания, вывожу разговор на крымскую тему.

— Дмитрий Сергеевич, что для Вас Крым, какие воспоминания с ним связаны?

— В личном плане для меня Крым — это детство. Почти каждое лето до революции я здесь отдыхал. Тогда мой отец работал инженером в главном управлении почты в Одессе. Это были мои самые счастливые годы. Помню, как во время революции приехать в Крым было невозможно, и я воспринимал это как личное горе.

Крым, конечно, какой-то поразительный феномен русской культуры, основанный на культуре греческой, византийской, итальянской, татарской, болгарской... Тут русская культура оказалась в целом собирателем культур разных народов. Кроме того, Крым для меня с детства был школой патриотизма. Помню, как, живя по нескольку дней в Севастополе, мы ходили по сохранившимся от крымской войны укреплениям, воображая себя участниками севастопольской обороны, что для мальчишек было чрез-

вычайно воспитательным. Это были 1911-й, 12-й, 13-й годы, мы проводили их в основном в Мисхоре.

Но уже по-иному я начал воспринимать эту землю, когда побывал на юго-восточном побережье — в Коктебеле и Феодосии.

— **Когда это было?**

— Уже сравнительно поздно — после войны, когда образовался Дом творчества в Коктебеле. Это, конечно, другой по пейзажам район, очень красивый, я бы сказал — глубинно красивый. Кроме того, Коктебель в своей красоте — трагичен.

— **И все же, не столько природа, но и сама атмосфера, созданная здесь Максимилианом Волошиным, настраивала на какие-то особые чувства?**

— Вы знаете — да. У меня было ощущение, что Волошин где-то рядом. Может, потому, что тогда еще была жива Мария Степановна Волошина и она была носителем духа Дома Поэта, его библиотеки. Акварели Волошина, его Дом, природа — это составные части той духовной энергии поэта, которые проникают через годы. Ведь даже и про-филь его воплотился в Карагаге.

— **Дмитрий Сергеевич, как бы Вы охарактеризовали феномен Волошина?**

— В нем — соединение всех лучших черт русской поэзии. Ведь поэзия была связана не только со стихами, но и с поведением поэта, его жизнью. И жизнь Волошина, его Дом — это часть его поэзии, как и Карагаг, Коктебель — это часть его самого. Особая ценность поэзии Волошина в том, что она выразила и тютчевские мотивы, и мотивы русской живописи Богаевского, и пушкинские мотивы, как и мотивы, связанные с Андреем Белым. Он как бы амальгама всех русских поэтов.

— **Но, помимо этого, его феноменальность и в необычайном гостеприимстве.**

— Да, в этом феноменальность и большая русскость. Дело в том, что разговоры за полночь — это тоже типичная черта русской культуры, которая несла и несет в себе черты соборности. Но не просто соборности, как собранности, а и диалога между выдающимися людьми. Об этом я писал в журнале «Наше наследие». Свои воспоминания я назвал «Беседы прежних лет». Эти беседы развивались и в условиях лагерных, и в заключении. Эти русские разговоры велись и в Коктебеле — по общим мировоззренческим вопросам, по вопросам современной жизни.

— **Но общение в Коктебеле у Волошина все же было несколько иным, чем в столицах. Да и сами блистательные представители русской культуры, которые приезжали сюда из Петербурга, Москвы, становились тоже немного другими. Помните, как Анастасия Цветаева в Коктебеле не узнала Марину. Как Вы думаете, почему это происходило?**

— Это, конечно, какой-то гений местности. Они сбрасывали с себя ежедневные заботы, они становились в лучшем смысле этого слова беззаботными. Но озабочены они были мировыми проблемами. Как у Богаевского, в его картинах, так и в стихах Волошина проявляется поэзия не только личных тем, а и поэзия судьбы России, мировых судеб. «Путями Каина» — это ли не проследивание судеб мира? Они сбрасывали с себя все заботы повседневные и становились людьми, размышляющими в масштабах тысячелетия.

— **Другим становились и Вы?**

— У меня было несколько иное восприятие этих мест. Я приезжал туда не в летние месяцы. В межсезонье же здесь было довольно мало людей. Но в другом плане это позволяло больше общаться с Марией Степановной, больше читать.

— **То есть вы намеренно удаляли от себя время курортности?**

— Да. Но курортность очень характерна для Коктебеля. И это неплохо.

— **Но сейчас именно она убивает дух прежнего Коктебеля.**

— Не совсем так. Дух этих мест убивается потому, что публика становится более низкого сорта. Слишком популярным это место стало оттого, что люди едут в Кокте-

Интервью с Д.С.Лихачевым. Пушкинский Дом. 15 июня 1994 года.

бель из снобизма — можно потом сказать, что они отдыхали в таком интеллектуальном месте (причем — совершенно не будучи интеллектуалами).

Кстати, очень популярной, я знаю, стала и Феодосия. Этот город мне запомнился своей уникальной атмосферой — атмосферой тысячелетий. Хотя он будто бы и новый, но чувствуешь, что находится на старом месте.

— **Дмитрий Сергеевич, что Вам понравилось в Феодосии?**

— Прежде всего — замечательная картинная галерея. Не считаю, конечно, что в ней собраны лучшие вещи Айвазовского. Мне удалось видеть работы, оставившие большее впечатление. Очень люблю раннего Айвазовского, когда он был романтиком, а не виртуозом кисти и большим маринистом. Нравятся его виды тихого Черного моря, лунные пейзажи.

— **С Феодосией связано имя и еще одного романтика — Александра Грина...**

— Я очень люблю его книги. К сожалению, он сейчас, как мне кажется, «выходит из моды». Но уверен, что будет время, когда к нему опять обратятся. Это писатель, который крайне важен для юношества.

Я бывал в Феодосии вскоре после войны. И больше посещать ее не приходилось. Но мои дочери очень часто отдыхали именно в Феодосии. Поэтому отраженной через них

атмосферой Феодосии и Коктебеля я продолжал жить и представлять в своем воображении любимые мною места.

— Вы приезжали в Крым лишь отдохнуть?

— Не совсем так. Отдых в Крыму у меня всегда был связан с работой. Я вообще считаю, что отдых — это перемена работы, а не отказ от нее. Я много там путешествовал, читал и вел свои записки.

— А чем заполнен Ваш сегодняшний день?

— Самое важное для меня сейчас — издательская работа. Потому, наверное, что в нашей жизни главное — сохранение свободы печати — свободы слова в широком смысле, свободы науки. Культура — самое важное в нашей жизни. Но культура не может восстановиться без свободы. Культура политическая — без свободы политической, культура научная — без свободы научной. И так во всем.

— Дмитрий Сергеевич, многие деятели литературы, искусства, науки в нынешнее время перестали видеть перед собой цель. И поэтому перестают писать, работать, что-то ушло из их жизни.

— А почему — ушло? Ведь человек должен работать не на издательство, а на науку. Ну хорошо, сейчас его не печатают, но через четыре года, пять лет, напечатают. И если даже не напечатают совсем, то все равно его работа — это его жизненный тонус. А если у него нет потребности заниматься наукой, то он ничего ценного для науки и искусства не представляет и ничего интересного не создаст. Наука — это потребность человеческого интеллекта.

— Дмитрий Сергеевич, сейчас в России выходит много изданий по краеведению.

— Да, краеведческая литература — моя отрада, надежда. И в Костроме, и в Твери, и в Нижнем Новгороде, и в Новгороде Великом, и во многих дру-

Д м и т р и й Л у х а ч е в

Дорогой Дмитрий Лоскут
с коллегами, Зина осужденная
не на замкнутые
ДЛухачев
15/1/94

Статьи
ранних
лет

Тверь
Тверское областное отделение
Российского фонда культуры
1993

гих городах (не исключая Петербург и Москву) выходят издания по краеведению. Это — крайне важно. Именно на этом и должен воспитываться патриотизм, а не на каких-то абстрактных идеях, теориях типа марксизма-ленинизма.

— Но многие все же считают краеведческую литературу элитарной.

— Я так не считаю. Это ни в коем случае не элитарные издания. Они интересуют всех, кто умеет читать, — в этом я абсолютно убежден. Я наблюдал, как краеведческая литература интересует простых жителей тех мест, кого это касается. Это элитарно быть может только в том смысле, если, скажем, старина Твери не очень интересует новгородцев или москвичей. Но в самой Твери это издание читают все. И если кто не читает, то это вообще замшелый человек.

— Какие, на Ваш взгляд, наиболее интересные издания по краеведению выходят сейчас?

— Меня всегда очень радует переиздание дореволюционных открыток. Старые почтовые открытки охватывали жизнь, «какая она есть». У нас сегодня пропала культура открыток — ее совершенно нет. И то, что сейчас выходят фотооткрытки старых нижегородских фотографов, тверских, включая и старые открытки Петербурга, мне очень приятно. К сожалению, последнее издание петербургских открыток в виде альбомчика напечатано ужасно: неверная раскраска, не те взяты сюжеты.

— А у Вас большая коллекция открыток?

— Нет. У меня вообще нет коллекций — лишь книжные завалы без особого разбора. А разбирать не хватает времени. Нужно уже нанимать работника...

— Дмитрий Сергеевич, пользуясь возможностью, хочу спросить, что бы Вы могли пожелать нашему изданию?

— Оно обязательно должно состояться, и вы обязаны пользоваться всемирной славой Коктебеля. Я бы сказал, что Коктебель должен стать центром русской интеллигенции, украинской, белорусской, общеевропейской интеллигенции. Есть такие места, где собираются отдельно кинематографисты, отдельно — художники. А вот интеллигенция в целом должна собираться в Коктебеле. Здесь должны быть развернуты издательства, создаваться коктебельские сборники. Этим будет продолжена традиция Максимилиана Волошина — он собирал книги, которые ему дарили с надписями.

— Наше издание мы решили назвать «Крымский альбом». Удачно или нет, на Ваш взгляд?

— Прекрасно. Кроме того, оно говорит и о жанре издания. Вспоминаются дворянский альбом, пушкинский альбом, куда свободно можно было занести шуточные стихи и серьезные размышления, и похвалы хозяину. Будет у такого издания и свой читатель.

• • •

Вот так, с благословения нашего великого современника, и началось создание «Крымского альбома». А на титуле нового сборника Д.Лихачева «Статьи ранних лет» появился автограф академика «с пожеланием, чтобы осуществилось все замысленное».

У Дмитрия Сергеевича в тот день было еще несколько важных встреч. А через три дня он отправлялся в Париж, чтобы потом вернуться к своим сегодняшним заботам в родном Петербурге.

